

Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай»

Культура конфронтации: модели конкуренции великих держав в XXI веке

Под редакцией А.А. Сушенцова

ru.valdaiclub.com
[#valdaiclub](https://twitter.com/valdaiclub)

Сентябрь 2025

Данный текст отражает личное мнение автора или группы авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

ISBN 978-5-907845-39-8

© Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2025

Российская Федерация, 127051, Москва,
Цветной бульвар, дом 16/1

Авторский коллектив

Дьячков Илья,

доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России

Зуенко Иван,

старший научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России

Колдунова Екатерина,

директор Центра АСЕАН МГИМО МИД России

Лунев Сергей,

профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России

Маргоев Адлан,

научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России

Неклюдов Никита,

доцент кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России

Окунева Людмила,

профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России

Обичкина Евгения,

профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России

Сапронова Марина,

профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России

Соколов Артем,

доцент кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России

Стрельцов Дмитрий,

заведующий кафедрой востоковедения МГИМО МИД России

Сушенцов Андрей,

декан факультета международных отношений МГИМО МИД России

Шлыков Павел,

доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России

Содержание

- 3 Введение
- 6 Германия: мультилатерализм в период смены эпох
- 7 Франция: республиканское мессианство и утраченное величие
- 10 Турция: от «ноль проблем с соседями» до «ноль соседей без проблем»
- 13 Арабские страны: стратегия уклонения от конфликта
- 15 «Героическая гибкость» Ирана
- 18 Стратегическая сдержанность Китая
- 19 Наступательная линия Индии
- 22 Осторожность и решительность Республики Кореи и КНДР
- 24 Пацифизм Японии
- 25 Уклонение от конфронтации в Юго-Восточной Азии

Введение

По окончании холодной войны многие говорили о том, что эпоха больших войн с участием регулярных армий окончательно ушла в прошлое. Военные кампании США на Ближнем Востоке в начале 2000-х годов показали новый формат вооружённых конфликтов – высокотехнологичные операции мобильных боевых групп с подавляющим превосходством в небе. Однако украинский конфликт и противостояние вокруг Тайваня подтвердили обратное: сегодня вероятность возникновения войны между великими державами кажется более чем реальной.

Современная военно-политическая обстановка характеризуется конфликтностью с активным использованием технологий двойного назначения и средств борьбы в киберпространстве. В условиях нестабильности пребывает значительное число регионов мира. Для предотвращения эскалации локальных кризисов до уровня масштабного военного конфликта необходимо глубокое понимание механизмов междержавного соперничества и выявления моделей, в соответствии с которыми государства реализуют стратегии конфронтации.

Очевидно, что ведущие державы придерживаются разных моделей соперничества. Одни государства ориентированы на удержание инициативы и используют преимущественно наступательную стратегию. Это позволяет им сравнительно быстро достигать желаемого результата против ослабленного противника, но препятствует успеху в случае затяжных конфликтов. Подобная модель поведения характерна для держав с «островным» менталитетом – США и Великобритании.

Другие державы выбирают оборону и позиционную стратегию. Они сознательно отдают инициативу противнику, допуская временные тактические уступки, в то же время накапливая ресурсы и стремясь к постепенному истощению потенциала оппонента, включая действия в его тылу. Действуя таким образом, «позиционные» державы, в частности Россия и Китай, сужают для противника возможность восстановления собственных сил и, собрав достаточные ресурсы, в итоге наносят ему стратегическое поражение¹.

Представленная дихотомия «морских» и «континентальных» держав не является универсальной. Модели конфликтного поведения государств разнообразны. С одной стороны, можно утверждать, что каждый участник международных отношений обладает собственной уникальной моделью конфронтации. С другой стороны, можно исходить из идеи существования единой модели с множеством вариаций.

¹ Blagden D.W., et al. Sea Powers, Continental Powers, and Balancing Theory [with Reply] // International Security. 2011. Vol. 36. № 2. P. 190–202.

В методологическом плане становится важной точная формулировка понятия «конфронтация». Следует уточнить, понимается ли под этим термином исключительно военно-политическое противостояние или же он трактуется шире и охватывает также экономическое, социокультурное и цивилизационное измерения. Вряд ли можно считать конфронтацией противоречия между дружественными странами и даже союзниками, но как в таком случае разграничить конфликтные и неконфликтные формы межгосударственного взаимодействия?

Следует учитывать, что национальная культура конфронтации не является статичной во времени: государства, пережившие глубокую трансформацию, демонстрируют радикальный отход от прежних моделей поведения на международной арене. Внешнеполитические практики Третьего рейха и Японской империи первой половины XX века кардинально отличаются от внешнеполитических подходов современных ФРГ и Японии. Аналогично внешняя политика современной Монголии сильно разнится со стратегией империи Чингисхана.

Эти и другие примеры демонстрируют многообразие условий формирования моделей конфронтации. Они выходят далеко за рамки национальной идентичности, охватывая вопросы развития политической и стратегической культуры, формирования и деятельности политических элит, специфику общественно-государственного устройства и демографической структуры, а также конкретно-исторические обстоятельства, обуславливающие выбор государством внешнеполитической стратегии.

Следует особо отметить, что в различных культурах конфронтации понимание логики и структуры эскалации конфликта различно. Казавшаяся универсальной модель «лестницы эскалации», предложенная американским футурологом Германом Каном, в действительности наиболее полно описывает лишь советско-американское противостояние времён холодной войны². Более того, даже в данном конкретном случае американская модель «лестницы эскалации» предусматривала значительно больше промежуточных ступеней между этапами политического сдерживания и непосредственно ядерной войной. Аналогичную модель конфронтации США демонстрировали и в других конфликтах, в том числе на Украине.

Ещё один пример особого конфликтного поведения демонстрирует Турция. Внешнеполитическая линия Анкары отличается повышенной напористостью, провокативностью. Подтверждением являются шаги Турции на Ближнем Востоке и в Закавказье, а также характер взаимодействия страны с ключевыми глобальными игроками. При этом членство в НАТО воспринимается турецким руководством не столько как фактор, ограничивающий её внешнеполитическую инициативу, сколько как инструмент проведения прагматичной политики и выгодного взаимодействия, прежде всего с США.

² Kahn H. On Escalation. Baltimore, Maryland: Penguin Books, 1968.

Культура конфронтации, присущая крупнейшим государствам Европейского союза, имеет глубокие исторические корни, уходящие в довестфальскую эпоху. Тем не менее по результатам Суэцкого кризиса (1956) Франция и Британия де-факто утратили статус активных глобальных игроков, заняв позицию во втором эшелоне великих держав. А после Второй мировой войны экономический потенциал ФРГ более не конвертировался в сопоставимое внешнеполитическое влияние. Заявления французских и немецких лидеров о готовности к продолжению конфронтации с Россией без опоры на поддержку Соединённых Штатов после 2024 года получили широкий резонанс в медиапространстве, однако, по мнению многих аналитиков, так и остались риторическими приёмами для получения предвыборных очков.

Китайская культура конфронтации имеет глубокие исторические корни, однако в современных кризисах она пока не проявила себя в полной мере. Можно говорить о почти безграничном терпении Пекина, но очевидно, что оно не распространяется на критически важные для страны вопросы – в первую очередь тайваньскую проблему. Характер и последствия возможных ответных действий Китая остаются предметом дискуссий. Не исключено, что именно китайская культура конфронтации станет одной из определяющих констант международных отношений XXI века.

Интересные и самобытные примеры культуры конфронтации демонстрируют Иран, Израиль, КНДР, Республика Корея, страны Латинской Америки и многие другие государства.

В условиях формирования многополярного мира вопрос о природе, логике и динамике различных культур конфронтации становится одним из ключевых для анализа международной политики. Современные конфликты всё чаще разворачиваются на фоне не только традиционного противоборства интересов, но и глубинных различий в стратегическом мышлении, политической культуре, восприятии угроз. Это делает актуальным обращение к сравнительному исследованию конфронтационного поведения государств, которое можно представить в качестве ряда сложных, исторически обусловленных и институционально закреплённых поведенческих моделей.

В докладе приводится сопоставление таких моделей, выявление их структурных особенностей и причин, способствующих их изменению. Рассмотрены практики соперничества в стратегиях Германии, Франции, Турции, арабских стран, Ирана, Китая, государств Корейского полуострова, Японии, стран Юго-Восточной Азии. Авторы доклада стремились не просто зафиксировать эмпирическое многообразие подходов к конфронтации, но и задать аналитическую рамку, в которой эти различия могут быть поняты. Кроме того, предпринята попытка оценить, насколько устойчивыми являются эти модели в условиях глобальной трансформации – технологической, институциональной, идеологической – и как они соотносятся с логикой поведения великих держав в новой стратегической реальности.

Германия: мультилатерализм в период смены эпох

Опыт Второй мировой войны и нацистской диктатуры оказал разрушительное воздействие на политическую культуру Германии. После 1945 года её формирование как на западе, так и на востоке страны фактически начиналось с нуля. Присоединение ГДР к ФРГ в ходе событий 1989–1990 годов обозначило новое позиционирование объединённой Германии в международной системе.

Объединение страны на пике «однополярного момента» определило взгляд немецких политиков и дипломатов на принципы внешней политики на десятилетия вперёд. Реакция Запада на подорванные позиции Советского Союза в ходе переговоров в формате «2+4» ретроспективно воспринималась в Бонне и впоследствии в Берлине как образец допустимого дипломатического поведения – при условии, что государство находится «на правильной стороне истории». Распад советского блока и СССР, расширение НАТО и ЕС на восток, казалось, подтверждали правомерность таких выводов.

Международные кризисы, тем более в военно-политическом измерении, воспринимались Германией как анахронизм. Отсюда особое внимание Берлина к развитию многосторонних форматов и активной работе в рамках Европейского союза и НАТО³. В 2021 году идея мультилатерализма получила концептуальное оформление в так называемой «Белой книге по мультилатерализму»⁴.

Многосторонний подход в немецком понимании не противоречит трансатлантическому вектору во внешней политике ФРГ: принципы мультилатерализма эффективно реализуются только в отношении государств, разделяющих определённый набор западных ценностей. В отношении же других эти принципы действуют иначе, в том числе и через меры конфронтационного характера.

Провозглашённая канцлером Олафом Шольцем в феврале 2022 года концепция «смены эпох» (нем. *Zeitenwende*) придала идее мультилатерализма особое звучание в контексте разрешения международных кризисов⁵.

³ Gaskarth J., Oppermann K. Clashing Traditions: German Foreign Policy in a New Era // *International Studies Perspectives*. 2021. № 22. P. 84–104.

⁴ Gemeinsam für die Menschen. Weißbuch Multilateralismus der Bundesregierung // Die Bundesregierung. 2021. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/resource/blob/2590372/3978f55a3848e13200509b4a254fe126/weissbuch-multilateralismus-data.pdf>

⁵ Blumenau B. Breaking with Convention? Zeitenwende and the Traditional Pillars of German Foreign Policy // *International Affairs*. 2022. № 98(6). P. 1895–1913.

Были сняты ограничения на поставки немецкого оружия в зоны боевых действий. Начатая в Германии масштабная военная реформа направлена на мощное развитие потенциала немецких вооружённых сил, чтобы они могли решать задачи как в сфере территориальной обороны, так и в рамках участия в зарубежных операциях.

Досрочные парламентские выборы в 2025 году придали новый импульс наращиванию немецкой внешнеполитической активности. На встрече Фридриха Мерца с Дональдом Трампом 5 июня 2025 года американский президент похвалил Германию за увеличение военных расходов, хотя и отметил, что генералу Дугласу Макартуру, который командовал войсками союзников на Тихом океане во время Второй мировой войны, не понравилось бы, что Германия наращивает траты на вооружения.

Германия находится на непростом пути внутренней трансформации в новых внешнеполитических условиях. Для преодоления внутренних проблем Берлину требуются яркие, нестандартные внешнеполитические шаги, в том числе и в плоскости конфронтации. Крайне маловероятно, что немецкое правительство решится на урегулирование отношений с Россией. В прессе писали, что во время июньской встречи в Вашингтоне Мерц просил Трампа усилить давление на Россию, в том числе с помощью новых пакетов антироссийских санкций, и увеличить военную помощь Украине. Однако Трамп не стал давать обещания канцлеру ФРГ. В условиях внешнеполитической турбулентности Берлин, скорее всего, сохранит приверженность многостороннему подходу в его трансатлантическом варианте как наиболее приемлемому инструменту.

Франция: республиканское мессианство и утраченное величие

Французская внешнеполитическая идентичность основана на оригинальной идее республиканского мессианства, призванной продвигать на глобальном уровне идеалы прав человека, разумного общественного и международного устройства, терпимости и гуманитарного прогресса.

В соответствии с этими идеалами президент страны Эммануэль Макрон позиционирует Францию как державу-посредника, или медиатора, для которой мультилатерализм является предпочтительной формой реализации

национальных интересов и их гармонизации с интересами широкого круга международных игроков⁶.

Вместе с тем самосознание французских политических элит во многом определяется комплексом утраченного величия, болезненным страхом упадка и потери статуса глобальной державы, а также дипломатического и – потенциально – военного поражения. В основе внешнеполитической идентичности Пятой республики лежат комплексы – страх повторения катастрофических поражений, подобных тем, что страна пережила в первые дни Франко-прусской войны (1870–1871) и в первые месяцы германского наступления во Второй мировой войне (1940). Болезненные провалы Франции во внешней политике в прошлом – например, приверженность «политике умиротворения» нацистской Германии – сегодня заставляют Париж формировать стратегию глобального присутствия, которая является одним из главных мотивов вовлечённости в международные конфликты, а в случае украинского кризиса – превентивную политику сдерживания России как «потенциальной угрозы европейской безопасности». Политика эта состоит в том, чтобы не дать России победить, не вовлекаясь в большую войну ни в качестве спонсора Украины, ни тем более в качестве участника.

Опыт прошлого сказывается и на тактических шагах французской внешней политики⁷. С концом холодной войны отпала советская угроза, что привело в 1995 году к отказу от всеобщего вооружения граждан (всеобщей воинской обязанности) в пользу профессиональной армии – компактной и высокотехнологичной. Память о кровопролитных сражениях первых лет Первой мировой (верденский синдром), унёсших жизни целого поколения молодых французов, сделала приоритетной задачей французской армии в любой войне сохранение живой силы. Именно поэтому уклонение от прямого военного конфликта более свойственно французской традиции, чем его намеренная провокация. Стратегия мультилатерализма важна Парижу прежде всего как средство сдерживания внешнеполитических амбиций ФРГ, ранее наследственного врага, а ныне – одного из ближайших союзников.

Воинственная риторика президента Эммануэля Макрона и других французских политиков является следствием синдрома «рассеянной ответственности»: внешнеполитическая деятельность Парижа в сковывающих рамках ЕС и НАТО лишила современную Францию самобытного видения большой внешнеполитической стратегии, а также сузила рамки самостоятельных дипломатических инициатив. Конфронтация с Россией

⁶ Macron E. Discours du Président de la République à l'ouverture de la conférence des Ambassadeurs. 29.08.2017. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/08/29/discours-du-president-de-la-republique-a-l-ouverture-de-la-conference-des-ambassadeurs>

⁷ См., например, Schivelbusch W. The Culture of Defeat. On National Trauma, Mourning, and Recovery. London: GrantaBooks, 2004.

позволяет прибегать к решительной военной риторике, избегая прямого вовлечения в боевые действия.

Примат США помешал Парижу усилить своё влияние в Индо-Тихоокеанском регионе и в акватории Чёрного моря. Примечательно, что на этих направлениях Франции пришлось столкнуться с встречными действиями собственных союзников: Соединённых Штатов и Великобритании в Индо-Тихоокеанском регионе и Турции – на Чёрном море. Французские политические верхи расценили эти шаги партнёров как удар в спину.

В целом в условиях нарастающего мирового соперничества французский истеблишмент делит государства вне евроатлантического сообщества на несколько категорий:

- 1) дружественные режимы, разделяющие общую систему либеральных ценностей (Индия, Япония, Израиль – последний с оговорками, ряд стран Латинской Америки, Африки и Азии);
- 2) партнёры в сфере исторической ответственности (бывшие колонии, сохранившие с Францией привилегированные отношения);
- 3) «чуждые» державы, с которыми у европейцев разные ценности, но возможен избирательный диалог (например, Китай);
- 4) страны – носители угрозы, противостояние с которыми приобретает экзистенциальный характер (к ним, помимо Ирана и Северной Кореи, с февраля 2022 года относится и Россия).

В то же время для французской политической культуры нехарактерно понятие необратимой враждебности. Пример «приручения» наследственного врага – Германии, превратившейся в союзника по НАТО и партнёра по ЕС, доказывает приверженность и способность Парижа к поискам инклюзивных комбинаций при условии кардинальных изменений курса и при наличии встречного движения с противоположной стороны.

Подобный разворот тем более возможен, что для значительной части французского общества, враждебно настроенного по отношению к проатлантической правящей элите и тоскующей по суверенной внешней политике времен де Голля, Россия становится примером сопротивления «американскому диктату» и защитницей подлинного суверенитета во внешней и внутренней политике. Ситуация усугубляется тем, что французская экономика ощущает последствия от американских вторичных санкций и давление в связи с общим для ЕС и США курсом на санкционную войну против России. В этом нарушении общенационального консенсуса заложен существенный конфликтный потенциал, снижающий вероятность перехода к открытой военной конфронтации с «ревизионистскими» державами.

Турция: от «ноль проблем с соседями» до «ноль соседей без проблем»

Внешняя политика Турции при президенте Реджепе Тайипе Эрдогане представляет собой пример использования имеющихся внешнеполитических ресурсов для поддержания внутренней легитимности, борьбы с внутренними противниками и мобилизации электората. В значительной степени это обусловлено популистской традицией, укоренённой в турецкой политической культуре. При этом самому внешнеполитическому курсу Анкары свойственна динамичность.

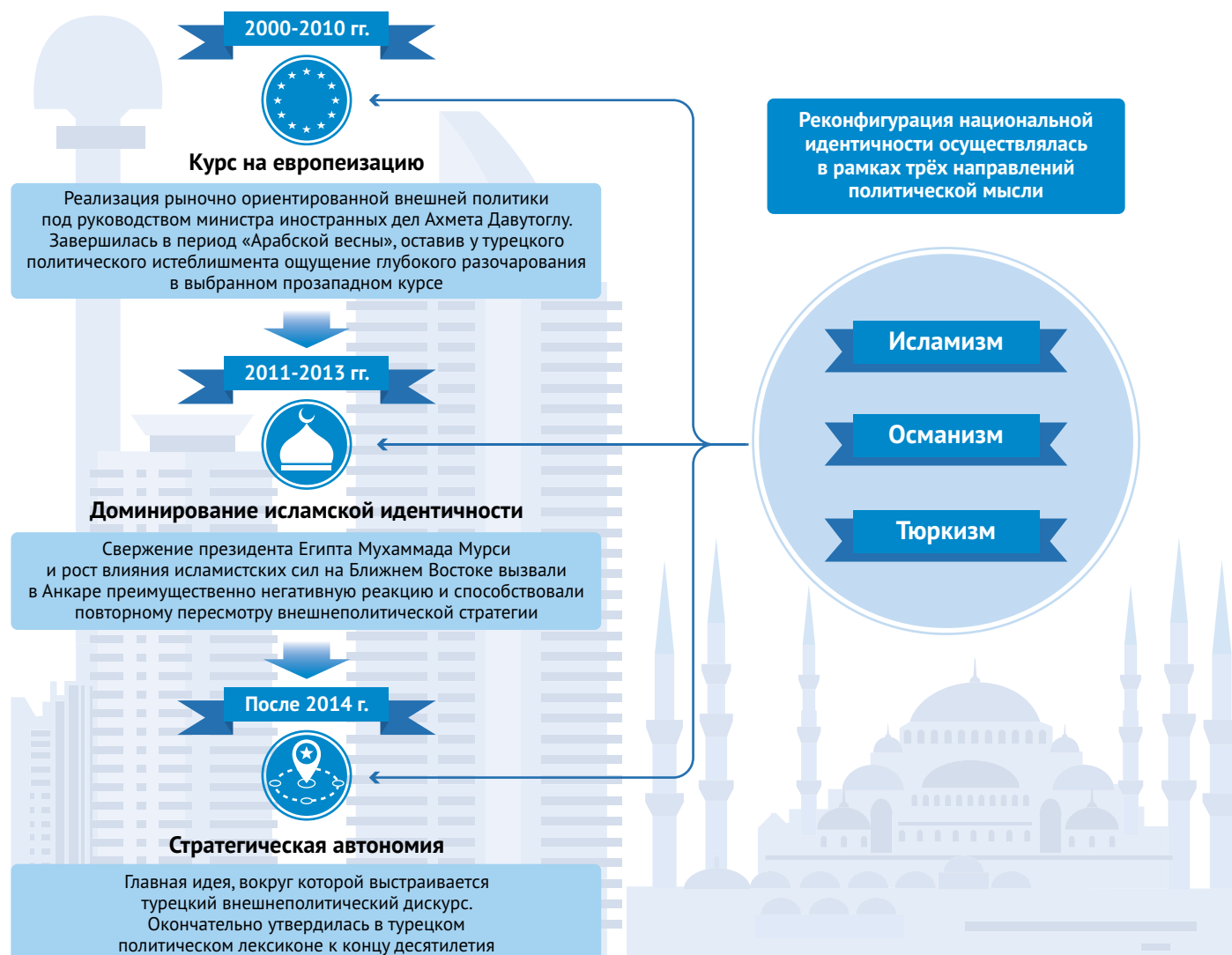
Внешняя политика современной Турции прошла три последовательных этапа развития. В начале 2000-х годов страна находилась в фазе европеизации и реализации рыночно ориентированной внешней политики, главным идеологом которой выступал министр иностранных дел Ахмет Давутоглу. Однако наступившая «Арабская весна» положила конец этому периоду, оставив у турецкого политического истеблишмента чувство глубокого разочарования в выбранном прозападном курсе.

Следующий этап внешнеполитической трансформации Турции, продолжавшийся до 2013 года, характеризовался доминированием исламской идентичности. Завершение данной фазы связано со свержением президента Египта Мухаммада Мурси. События в Египте и рост влияния исламистских сил на Ближнем Востоке вызвали в Анкаре преимущественно негативную реакцию и способствовали повторному пересмотру внешнеполитической стратегии.

С середины 2010-х годов в турецком внешнеполитическом дискурсе начала активно продвигаться идея стратегической автономии. В короткие сроки эта концепция стала императивом внешней политики и основой для объяснения инициатив, предпринимаемых руководством Турецкой Республики.

Связующим элементом для всех трёх вышеописанных этапов внешнеполитического развития Турции стала реконфигурация национальной идентичности. Этот процесс осуществлялся в рамках трёх основных

РЕКОНФИГУРАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

измерений – исламского, османского и турецкого, каждое из которых со временем оформилось в самостоятельное направление политической мысли: исламизм, османизм и тюркизм соответственно. Именно их специфическое сочетание и баланс в значительной степени определяют актуальное состояние стратегической культуры Турецкой Республики и служат ключом к пониманию её нынешнего внешнеполитического курса⁸.

⁸ Аватков В.А. Идеино-ценностный фактор во внешней политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 12(4). С. 113–129.

Современный этап характеризуется доминированием во внешней политике идей османизма, сопряжённых с мессианством и наличием цивилизаторской миссии, которая должна находить своё воплощение в конкретных внешнеполитических шагах Анкары. Как следствие, страна позиционирует себя в качестве активного международного игрока в сопредельных регионах, включая Ближний Восток, Балканы и Южный Кавказ. Трансформация внешнеполитического курса привела к отходу от доктрины «ноль проблем с соседями» в пользу модели «ноль соседей без проблем». Такой подход формирует основу новой стратегической и конфликтной культуры Турции, которая предполагает политику хеджирования внешнеполитических рисков.

Наиболее ярко стратегия турецкого хеджирования проявилась во время конфликта вокруг Украины, в котором Анкара выступила в роли медиатора. Хотя попытки заключить всеобъемлющее мирное соглашение провалились, стамбульские переговоры 2022 года заложили основы Черноморской зерновой инициативы (июль 2022-го). К маю 2025 года стамбульская переговорная площадка вновь оказалась востребована: делегации вернулись к обсуждению условий перемирия, подтвердив тем самым, что Турция остаётся единственным государством – членом НАТО, признаваемым обеими сторонами как приемлемый медиатор.

Позиция Турции относительно украинского сюжета была и остаётся двойственной. Анкара поставляла Украине ударные беспилотники *Bayraktar TB2* ещё до начала активных военных действий, а с 2024 года начала поставки палубного варианта БПЛА и бронемашин. Эти поставки стали важной статьёй экспорта для турецкого военно-промышленного комплекса. При этом Турция отказалась присоединиться к западным санкциям и продолжила активный торговый обмен с Россией, сохранив, таким образом, открытыми каналы для переговоров и минимизировав риски ответных мер Москвы в сфере транзита газа.

В отношениях с НАТО Турция действует так же прагматично. Почти двадцать месяцев блокируя вступление Швеции в Альянс и связывая ратификацию этого решения с одобрением США продажи истребителей *F-16*, Анкара наглядно показала способность использовать внутрисоюзные процедуры в качестве рычага давления. В январе 2024 года турецкий парламент всё же ратифицировал протокол о вступлении Швеции, после чего Вашингтон одобрил сделку на поставку истребителей. Однако противоречия, связанные с приобретением Турцией российских комплексов *C-400*, остаются нерешёнными. Анкара продолжает стремиться к возвращению в программу поставок истребителей *F-35* и снятию ограничений, предлагая союзникам доступ к своим беспилотным технологиям и демонстрируя готовность контролировать проливы в интересах НАТО.

Арабские страны: стратегия уклонения от конфликта

Термин «арабские страны» достаточно условный. В научном дискурсе под этой категорией принято понимать три субрегиона: Северную Африку, Ближний Восток и Аравийский полуостров. Каждый из этих регионов имеет свои особенности исторического развития, геополитической динамики и специфику внешнеполитических ориентаций.

Современный арабский мир сталкивается с комплексом структурных кризисов, и ключевой из них связан с продовольственной безопасностью. Появление и нарастание этих кризисов обусловлены международной экономической конъюнктурой: события «Арабской весны» во многом были спровоцированы ростом глобальных цен на продовольствие, и большинство государств региона не смогло осилить субсидирование базовых продуктов питания для уязвимых социальных групп⁹. Даже сегодня ни одно арабское государство не обеспечило продовольственную безопасность, что усиливает зависимость от внешних рынков. Как следствие, любые шоки, дестабилизирующие глобальные цепочки поставок продовольствия, непосредственно отражаются на арабских странах.

Не менее остро перед арабскими странами стоит и проблема обеспечения водными ресурсами¹⁰. Конфликтогенный потенциал обусловлен прежде всего трансграничным управлением ресурсами Нила между Египтом и Эфиопией. Нерешённость этого вопроса создаёт предпосылки для гуманитарных катастроф и дестабилизации системы обеспечения водой в масштабах всего региона.

Идентичность арабских государств во внешней политике исторически основывалась на идеях панарабизма и панисламизма. Однако на сегодняшний день эти идейные течения переживают кризис, обусловленный последствиями той же «Арабской весны» и внешнеполитической практикой конкретных арабских государств. Несмотря на декларируемый в доктринальных документах приоритет сотрудничества с арабскими и мусульманскими странами, реальная политика демонстрирует прагматическую адаптацию. Примером служит роль Лиги арабских государств в инициировании

⁹ Мельянцев В.А. Кризис в арабском мире: экономические и социальные аспекты //Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 10. С. 73–83.

¹⁰ Филоник А.О., Исаев В.А. Ближний Восток: вода и безопасность // Азия и Африка сегодня. 2019. № 5. С. 14–21.

ПРОБЛЕМЫ АРАБСКОГО ЕДИНСТВА

Ключевым кризисом региона остаётся обострение проблем продовольственной безопасности. Большинство государств региона не смогло обеспечить субсидирование базовых продуктов питания для уязвимых социальных групп

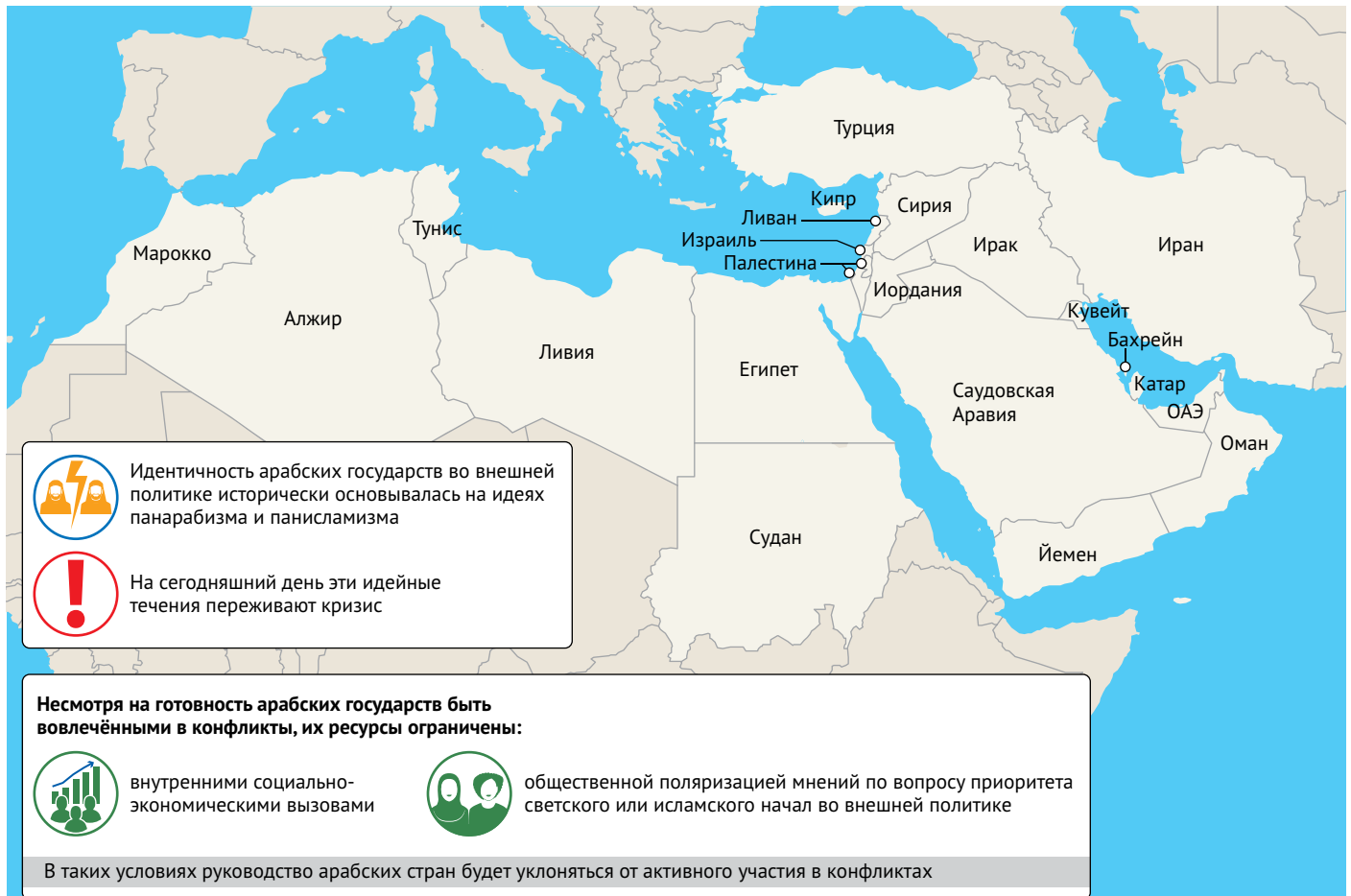
Как следствие – любые шоки, дестабилизирующие глобальные цепочки поставок продовольствия, непосредственно отражаются на арабских странах

Не менее значима для арабских стран и проблема обеспечения водными ресурсами. Конфликтотенный потенциал обусловлен прежде всего трансграничным управлением ресурсами Нила между Египтом и Эфиопией

Нерешённость этого вопроса создаёт предпосылки для гуманитарных катастроф и нестабильность обеспечения водой всего региона

интервенции в Ливии (2011), которая стала катализатором дестабилизации ситуации на Ближнем Востоке.

Несмотря на готовность арабских государств быть вовлечёнными в конфликты, их ресурсы ограничены по двум причинам: во-первых, страны сталкиваются с внутренними социально-экономическими вызовами, что повышает необходимость мобилизации ресурсов для развития национальной

экономической базы (преимущественно туристического сектора); во-вторых, в арабских странах наблюдается общественная поляризация по вопросу приоритета светского или исламского начал во внешней политике. В таких условиях руководство арабских стран будет уклоняться от активного участия в конфликтах.

Политический кризис в Сирии в 2025 году, завершившийся отстранением Башара Асада и приходом временного президента Ахмада аш-Шараа, продемонстрировал, насколько быстро могут разрушаться государственные институты в условиях внутренней нестабильности. В кризисе на фоне осторожной позиции большинства арабских правительств инициативу активно перехватывают внерегиональные державы – Израиль и Турция. Также растёт роль негосударственных акторов: группировка «Хизбалла» снизила активность после перемирия в 2024 году, тогда как ХАМАС продолжает вести активные боевые действия. Хуситы («Ансарулла») значительно расширили географию своих атак до акватории Красного моря и установили контакты с африканскими вооружёнными формированиями, укрепив свою роль как автономного проиранского игрока в регионе.

«Героическая гибкость» Ирана

По итогам Исламской революции в 1979 году во внешней политике Ирана сложились идеологические ориентиры, кардинально изменившие стратегический вектор внешней политики страны.

Во-первых, был избран равноудалённый формат отношений со сверхдержавами: страна стремилась максимально укрепить собственный суверенитет, чтобы не впасть в зависимость от двух сверхдержав. Лозунгом «Ни Восток, ни Запад – Исламская Республика» новые власти обозначили статус неприсоединившейся державы в условиях биполярного миропорядка и стали резко осуждать США и СССР за империалистическую политику, выражавшуюся в продвижении идеологии либерального капитализма и социализма, в отношении более слабых стран.

Во-вторых, географическим приоритетом внешней политики был объявлен мусульманский мир, а ценностным – поддержка «угнетённых». На этом пересечении сложился главный для Ирана региональный конфликт – борьба

с Государством Израиль, которое, по мнению иранских властей, было несправедливо создано на территории Палестины, населённой на тот момент преимущественно арабами-мусульманами.

Вместе с тем и на стратегическом, и на тактическом уровнях Иран всегда демонстрировал готовность к адаптации внешнеполитического курса. С выводом советских войск из Афганистана Тегеран смягчил враждебный тон в адрес северного соседа, а с ростом напряжённости в отношениях с западными странами и вовсе объявил политику взгляда на Восток. Результатом новой стратегической доктрины стали соглашения о стратегическом сотрудничестве с Китаем (2021) и Россией (2025).

В ситуациях, когда власти Ирана не видели возможности добиваться стратегических целей, проистекающих из их идеологии, им требовалось обосновать перед собственным населением тактические решения, принятые с учётом прагматичного анализа национальных интересов. Так появилось понятие «героическая гибкость»¹¹.

Первое обнаруженное упоминание этого термина датируется 1996 годом. Выступая перед сотрудниками МИД Ирана, верховный лидер произнёс следующую фразу: «Политические представители Исламской Республики Иран в мире должны быть острее меча, мягче шёлка, твёрже камня и стали. Внешняя политика – поле героической гибкости, но гибкости, которая остра по отношению к врагу»¹².

В 2013 году, когда Али Хаменеи дал обновлённый мандат администрации Хасана Роухани на переговоры по ядерной программе Ирана, он вернулся к этому понятию в выступлениях перед Советом экспертов¹³ и Корпусом стражей исламской революции¹⁴. На эти выступления обратила внимание иранская и зарубежная пресса – тогда и оформилась концепция «героической гибкости».

¹¹ Mirarab F. Analysis of Heroic Flexibility as a Strategy for Islamic Resistance with Emphasis on Imam Khamenei's Thought. *Islamic Government // The Quarterly Journal of the Secretariat of the Assembly of Experts for Leadership*. 2020. V. 25(3). P. 77–100. URL: https://mag.rcipt.ir/article_133571.html?lang=en (in Persian).

¹² Meeting of Officials from the Ministry of Foreign Affairs and Political Representatives of the Islamic Republic of Iran with the Leader of the Revolution. *Khamenei. Ir.* 07.08.1996 (17.05.1375). URL: <https://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=17885> (in Persian).

¹³ Statement at the Meeting with the Chairman and Members of the Assembly of Experts of the Supreme Leader. *Khamenei.Ir.* 05.09.2013 (14.06.1392). URL: <https://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=23810> (in Persian).

¹⁴ Statement at the Meeting with the Commanders of the Islamic Revolutionary Guard Corps. *Khamenei.Ir.* 17.09.2013 (26.06.1392). URL: <https://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=24033> (in Persian).

Чтобы дипломатический манёвр не выглядел отказом от идеалов и целей исламской революции, «героической гибкости» придали легитимность через отсылку к героям раннеисламского периода.

Историко-религиозный дискурс Ирана оперирует наследием имама Хасана и Хусейна – второго и третьего шиитских имама. После смерти их отца – имама Али, убитого собственными сторонниками за отказ от обострения войны с Омейядами, они выбрали противоположные стратегии в борьбе за власть в халифате. Имам Хасан, оценив отсутствие массовой поддержки войны, избрал путь переговоров и погиб в результате заговора, но сохранил жизнь своим сторонникам. Имам Хусейн не признал противника халифом и вместе с немногочисленным окружением выдвинулся в бой. Попав в окружение, он не сдался и погиб вместе со своими сторонниками. Траурные церемонии по случаю его гибели шииты проводят уже четырнадцать веков.

Оба имама почитаются в современном Иране как символы жертвенности, а апелляция к их примерам в заявлениях официальных лиц служит индикатором позиции Тегерана по вопросам войны и дипломатии. Хасан – символ «героической гибкости», Хусейн – образец воинственного защитника исламских идеалов.

В марте 2025 года, когда Трамп в ультимативной форме предложил Тегерану переговоры по ядерной программе, иранское руководство с осторожностью приняло это предложение и не транслировало ни одну из вышеуказанных моделей¹⁵. С одной стороны, поверить в искренность желания американцев вести переговоры и упоминать имама Хасана было бы наивно, с другой – сразу продемонстрировать неуступчивую враждебность со ссылкой на имама Хусейна означало бы военную эскалацию.

Спустя три месяца, не дожидаясь очередного раунда американо-иранских переговоров, Израиль в нарушение резолюций МАГАТЭ и Совета Безопасности ООН атаковал иранские ядерные и военные объекты, организовал серию убийств иранских военных и физиков-ядерщиков. США присоединились к бомбардировкам ядерных объектов, после чего объявили режим прекращения огня.

По окончании того, что Трамп назвал «12-дневной войной», все три её участника объявили победу над противником, хотя глубинные

¹⁵ Маргоев А. Иран на распутье. Коммерсант. 09.04.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7641280>.

причины обострения остались, а противоречия только усугубились. Иран как участник Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), принимавший инспекции МАГАТЭ на своих ядерных объектах, подвергся агрессии со стороны государства, которое тайно разработало ядерное оружие и отказалось вступить в ДНЯО, а также со стороны государства, которое имеет право на обладание ядерным оружием по условиям этого договора и является гарантом соблюдения ДНЯО. В одиночку отразив эту атаку, Тегеран празднует «горькую» победу, но стратегический вопрос – восстановится ли переговорный процесс по ядерной программе Ирана – повис в воздухе.

Стратегический императив Тегерана в конфликтах остаётся неизменным – дать отпор противнику. Однако это не исключает применения Ираном тактики «героической гибкости», предполагающей дипломатические уступки и адаптацию методов борьбы при сохранении идеологического антагонизма враждебным державам.

Стратегическая сдержанность Китая

Внешняя политика Китая на протяжении длительного периода характеризовалась стратегической сдержанностью. С конца 2000-х годов на первый план вышла идея «великого возрождения китайской нации», направленная на преодоление последствий «столетия унижения» (1842–1949). Данная парадигма сформировала императив бескомпромиссного отстаивания национальных интересов, исключающего их ущемление со стороны других держав¹⁶.

Ключевым элементом реализации стратегии «великого возрождения» выступает определение статуса острова Тайвань. Пекин трактует любые заявления о независимости острова как абсолютно неприемлемые, а их поддержку третьими странами – как вмешательство во внутренние дела КНР. Контакты тайваньских официальных лиц с иностранными представителями воспринимаются как угроза территориальной целостности,

¹⁶ Зуенко И.Ю. Есть ли у Китая внешнеполитическая идеология? // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 09.03.2023. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/est-li-u-kitaya-vneshnepoliticheskaya-ideologiya/>

а возможная дислокация вооружённых сил США на острове станет *casus belli* и, согласно официальной позиции Пекина, приведёт к неизбежному военному конфликту двух держав.

Несмотря на традиционное восприятие Китая как континентальной державы, ключевые риски для страны сосредоточены на море: основным источником угроз выступают Соединённые Штаты, осуществляющие вмешательство во внутренние дела Пекина и сдерживающие её экономический рост посредством торговых войн. Помимо тайваньского вопроса, структурные противоречия сохраняются в акватории Южно-Китайского моря, и в эту ситуацию, наряду с Вашингтоном, активно вовлечены союзники США, Австралия, Япония, Южная Корея и Филиппины.

Пекин демонстрирует сдержанность при выборе инструментов противодействия угрозам, ограничиваясь главным образом мерами экономического воздействия на конкурентов.

Китайское руководство выступает за международные отношения новой формации, основанные на принципе «сообщества судьбы человечества»¹⁷, развивающегося в бесконфликтных условиях. Однако Китай оставляет за собой право на применение силы в ответ на провокации в сфере жизненно важных интересов. Уверенность в технологическом и военном превосходстве Китая остаётся значительным фактором в пользу решительных действий.

Наступательная линия Индии

Индийская конфронтационная культура, как и внешнеполитическая идентичность, формировалась на протяжении второй половины XX века. После обретения независимости в 1947 году страна впервые объединилась в современных границах, включив территории Южного Индостана, которые в колониальный период оставались вне прямого контроля Британской Индии.

¹⁷ См.: Ломанов А.В. Общечеловеческий Китай и абстрактный Запад // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 2. С. 207–226. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/kitaj-i-zapad-lomanov/>

Этнолингвистическая гетерогенность стала ключевым вызовом для консолидации индийской идентичности. Например, исторически отсутствовало взаимное признание общности между бенгальцами и пенджабцами – крупнейшими этническими группами, чьи культурно-языковые различия оказались существенными.

В последние годы в экспертном сообществе утвердилось мнение, что национальная идентичность в Индии окончательно сформировалась, хотя и продолжает трансформироваться. Эти процессы находят отражение, прежде всего, в самопозиционировании индийской элиты. Произошёл отход от колониальной парадигмы, когда англоязычная речь доминировала даже в академической среде (что привело, в частности, к утрате компетенций в хинди у иностранных индологов). Сегодня внутри индийской элиты осознают свою глобальную конкурентоспособность. Индийские дипломаты, прибегая к любой внешнеполитической коммуникации, придерживаются подчёркнуто наступательных шагов, больше не ожидая одобрения со стороны зарубежных коллег и партнёров.

В новой системе индийских внешнеполитических приоритетов благосостояние доминирует над этико-нормативным аспектом внешнеполитической деятельности. Акцент на моральных ценностях в период правления Джавахарлала Неру (1947–1964) коррелировал с ограниченными возможностями государства на раннем этапе постколониального развития. По мере укрепления своих позиций Индия стала демонстрировать готовность к применению силы.

Балансирование как ключевая характеристика индийской внешней политики на протяжении последующих 75 лет тоже проистекало из прагматизма политической элиты и приносило стране не только политические, но и экономические выгоды¹⁸. Так, в 1960-е годы СССР заложил основы тяжёлой промышленности Индии, тогда как США – конкурент СССР – предоставили на безвозмездной основе экономическую помощь, эквивалентную сегодня 10 миллиардам долларов.

Трансформация представлений Индии о своей глобальной роли усложняет взаимодействие с США – в Нью-Дели ожидают от Вашингтона признания равноправного партнёрства. Ключевым стратегическим вызовом для страны индийское руководство считает рост влияния Китая. Несмотря

¹⁸ Куприянов А.В. Внешнеполитические дилеммы Индии: на защите национальных интересов // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 02.11.2022. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vneshne-politicheskie-dilemmy-indii/>

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИНДИИ

На раннем этапе постколониального развития акцент на моральных ценностях коррелировал с ограниченными возможностями государства

Устойчивый экономический рост: на протяжении последнего десятилетия страна сохраняет лидерство среди крупнейших экономик мира (за исключением периода пандемии COVID-19)

По мере укрепления своих позиций Индия стала демонстрировать готовность к применению силы

Фактор индийской диаспоры

Выходцы из Индии нередко занимают высокие должности в элите государств англосаксонского ареала

Prime Minister

Риши Сунак

Экс-премьер-министр Великобритании

Vice President

Камала Харрис

Экс-вице-президент США

Mayor Candidate

Зохран Мамдани

Кандидат на выборах мэра Нью-Йорка от демократов

Руководители компаний-миллиардеров

 Сундар Пичаи	 Сатья Наделла	 Нил Мохан	 Аджай Банга	 Никеш Арора	 Вивек Санкаран
 Джордж Кьюриан	 Джейшри Улал	 Шантану Нарайен	 Арвинд Кришна	 Васант Нарасимхан	 Лакшман Нарасимхан
 Санджай Мехротра	 Вимал Капур	 Ревати Адвайти	 Нирадж Шах	 Лина Наир	 Анирудх Девган
 Рави Кумар С	 Джей Чодри	 Решма Кевалрамани			

Сбалансированная стратегия воздействия на политические процессы других стран у индийской диаспоры способствует консолидации её лоббистского потенциала

на географическую близость, цивилизации двух стран фундаментально различаются, что открывает широкие возможности для конфронтации. О ментальной дистанции между ними свидетельствует и то, что в Индии есть дефицит экспертизы по китайской проблематике, а в КНР недостаточно развита индология.

Цивилизационные различия оставляют в тени территориальные споры. Позиция индийской политической элиты однозначна: конфликты с Китаем вокруг Тибета или Кашмира – это не самостоятельные проблемы, а индикаторы системного кризиса, коренящегося в перманентном взаимном антагонизме государств¹⁹.

Самоуверенность индийской политической элиты подкрепляется рядом объективных факторов. Ключевым из них является устойчивый экономический рост: на протяжении последнего десятилетия (за исключением периода пандемии *COVID-19*) страна сохраняет лидерство среди крупнейших экономик мира по темпам развития. Важную роль играет фактор индийской диаспоры, которая может похвастаться влиятельным представительством во всём мире. Выходцы из Индии нередко занимают высокие должности в элите государств англосаксонского ареала – яркими примерами служат бывшие премьер-министр Великобритании Риши Сунак и вице-президент США Камала Харрис. Сбалансированная стратегия воздействия на политические процессы других стран у индийской диаспоры способствует консолидации её лоббистского потенциала.

Осторожность и решительность Республики Кореи и КНДР

Внешнеполитическое поведение КНДР и Республики Кореи традиционно сочетает в себе вспыльчивость и сдержанность. Динамика межкорейского взаимодействия определяется парадоксальным балансом: готовность к эскалации сосуществует с прагматичной установкой избегать прямого столкновения²⁰. Корейская война (1950–1953) представляет собой скорее травмирующий опыт, нежели закономерность в поведении корейцев.

Южнокорейский внешнеполитический дискурс опирается на концепцию структурной уязвимости, выраженную в старой поговорке о креветке, чья

¹⁹ Галищева Н.В., Решикова М.С. Индийско-китайские отношения. Борьба «Тигра» и «Дракона» за место под солнцем // Международные процессы. 2021. Т. 19. № 4 (67). С. 104–122.

²⁰ Ланьков А.Н. Корейский полуостров: пока стороны верят в силу // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 23.03.2023. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/koreyskiy-poluostrov-poka-storony-veryat-v-silu/>

спина ломается в схватке китов. Данный нарратив отражает не столько недооценку собственного потенциала, сколько представление в духе политического реализма ограничений, накладываемых структурным соперничеством великих держав. Исторически попытки пересмотреть внешнеполитический статус двух Корей немногочисленны. Например, Пак Чонхи (1963–1979) пытался актуализировать идею «великодержавного статуса» Кореи, апеллируя к примерам соперничества на равных с имперским Китаем. Правительство КНДР конструирует аналогичный дискурс, подчёркивая свою роль как субъекта глобальной политики вопреки ограничениям международной системы.

Стратегическая парадигма КНДР и Республики Кореи может быть охарактеризована как диалектическое сочетание решительности и осторожности. Данная стратегия иллюстрируется динамикой их действий в контексте украинского конфликта. Сообщения об отправке северокорейских войск в зону боевых действий сопровождались формально-декларативными заявлениями Сеула, что отражает инструментальную адаптацию к эскалационным рискам при сохранении сдержанности.

КНДР, несмотря на ограниченность военно-экономических ресурсов, демонстрирует высокие компетенции дипломатического корпуса, что позволяет ей гибко маневрировать в международных отношениях. Стратегия Пхеньяна включает как демонстрацию конфронтационной стратегии в отношении традиционных союзников, так и готовность выстраивать диалог с государствами, воспринимаемыми в качестве оппонентов. Классическим примером служит политика КНДР в эпоху холодной войны (1960–1980), когда Пхеньян использовал нарастающие противоречия между Москвой и Пекином для укрепления собственной автономии. По окончании холодной войны КНДР предприняла также попытки нормализовать отношения с США, стремясь включить Вашингтон в систему балансирования отношений с Китаем. Вашингтон на это не пошёл.

В свою очередь Республика Корея интегрирована в систему стратегических альянсов США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сеул осознаёт свой статус периферийного действующего лица в условиях глобального противостояния Вашингтона и Пекина.

Дихотомия внешнеполитического курса Южной Кореи проявляется в одновременном участии в институтах, ориентированных на сдерживание КНР (например, расширенное взаимодействие с *QUAD*), и в демонстрации тактической автономии, вызывающей большое удивление среди партнёров по альянсу²¹. Ключевой вызов для Сеула – минимизация рисков эскалации на фоне конкуренции между своим главным союзником (США) и стратегическим экономическим партнёром (КНР).

²¹ Bowers I., Stålhane Hiim H. Conventional Counterforce Dilemmas. South Korea's Deterrence Strategy and Stability on the Korean Peninsula // *International Security*. 2020/2021. Vol. 45. № 3. P. 7–39.

Пацифизм Японии

Современное внешнеполитическое позиционирование Японии обусловлено расцветом консервативных ценностей, ставших популярными на фоне структурных демографических изменений. Факторами, формирующими демографическую ситуацию в стране, являются преобладание однодетных семей в структуре общества, низкая рождаемость и старение населения. Более 30 процентов японцев перешагнули порог в 65 лет²².

Консервативная парадигма внешней политики проявляется в неприятии любых радикальных действий. Вместе с тем осторожная внешняя политика не противоречит геополитическим амбициям: на рубеже 1990–2000-х годов Япония лоббировала реформирование Совета Безопасности ООН, рассчитывая войти в его состав на правах постоянного члена.

Сдержанность во внешней политике основана на реализме. Постепенно в Токио пришли к выводу, что союз с Соединёнными Штатами не обеспечит стране достаточную степень защищённости. На фоне поиска внешней опоры Токио диверсифицирует связи, избегая открытой конфронтации с Вашингтоном, но стараясь укрепить свой статус в многосторонних институтах безопасности. В политике Японии также наблюдается отход от прежних табу, связанных, например, с использованием ядерного оружия и наступательных видов вооружений – в недавнем прошлом страна закупила крылатые ракеты «Томагавк»²³. Пацифизм, считавшийся центральным элементом японской политической культуры, теряет актуальность – на его место приходит умеренный национализм.

Последние выборы в Палату представителей Японии продемонстрировали снижение влияния националистических политических сил: три ключевые партии потеряли значительную долю голосов. Основным бенефициаром электорального перераспределения голосов стала умеренная левоцентристская партия, внутри которой произошла смена руководства: контроль получил лидер правого толка.

В Токио рассматривают конфликт вокруг Украины как потенциально прецедентную модель развития военно-политической обстановки в регионе Восточной Азии. Согласно этой интерпретации, уступки России

²² Popular Projections for Japan (2023 Revision): 2021 to 2070 // National Institute of Population and Social Security Research. 2023. P. 4.

²³ Стрельцов Д.В. Станет ли Япония «нормальной» страной? // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 3. С. 174–191.

могут подтолкнуть Китай к решительным шагам по установлению контроля над Тайванем и островами Сенкаку, что является прямой угрозой безопасности для Токио. Именно этим объясняется декларируемая солидарность Токио с Киевом – стратегическим стремлением предотвратить дестабилизацию Восточной Азии.

Опасения по поводу роста влияния Китая в регионе являются и причиной сохранения присутствия японских компаний в России, несмотря на введённые международные санкции. Кроме того, в отличие от ряда западных государств, японские компании сохранили своё участие в сахалинских и арктических энергетических проектах.

Уклонение от конфронтации в Юго-Восточной Азии

Вопросы национальной идентичности в государствах Юго-Восточной Азии не являются основанием для выбора конфронтационной внешней политики. Парадоксальным образом это обусловлено колониальным прошлым. Для региона в целом характерна культура уклонения от конфронтации.

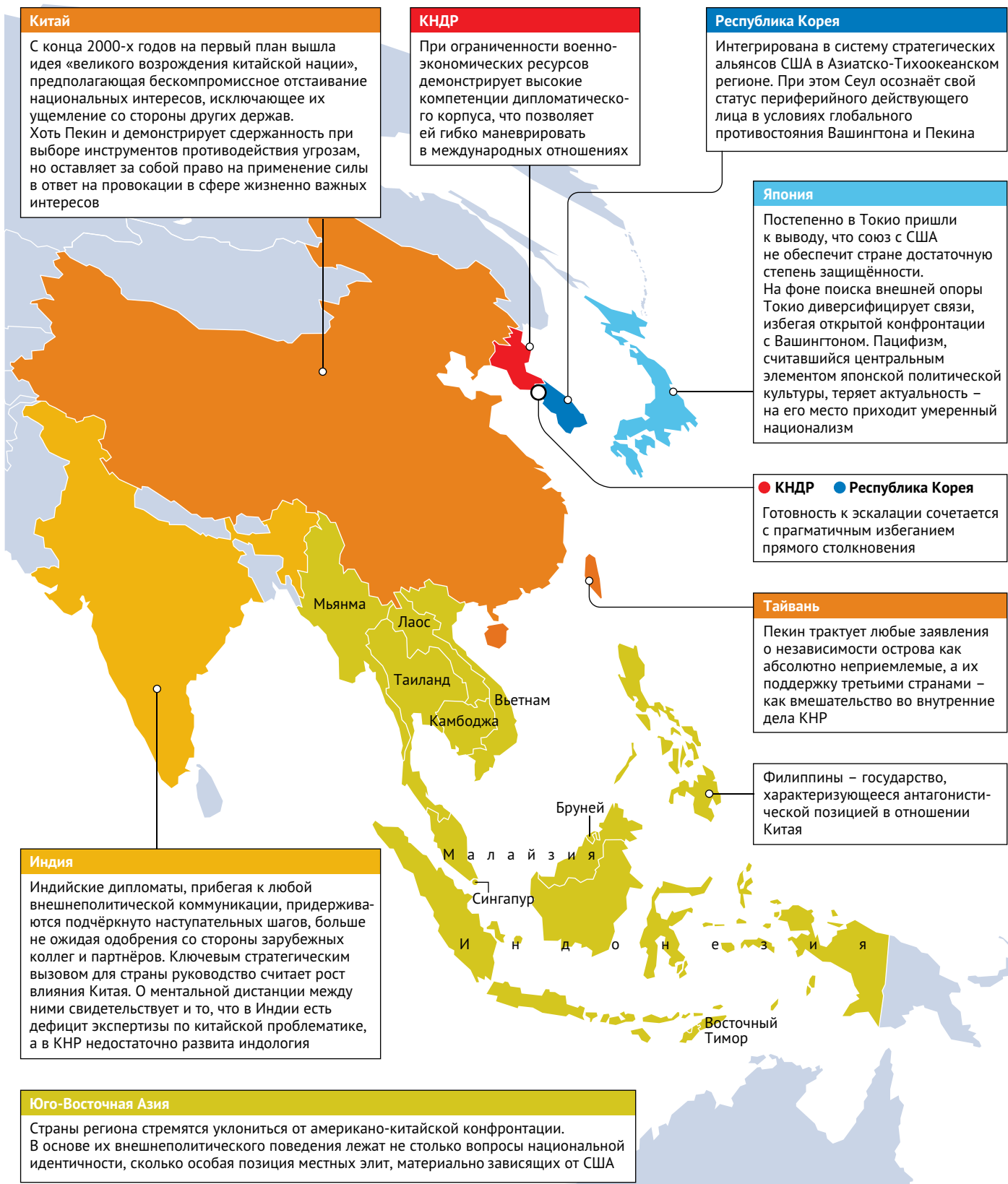
В книге Энтони Рида «Имперская алхимия» объясняются причины, по которым национальные элиты деколонизировавшихся государств региона были вынуждены принять большинство установленных колонизаторами границ²⁴. Национально-освободительные движения, даже если не соглашались с отдельными реалиями на земле, в первую очередь поддерживали друг друга для того, чтобы добиться скорейшего и полного освобождения от колонизаторов, то есть вопросы границ зачастую оказывались вторичными.

Страны региона стремятся уклониться от американо-китайской конфронтации. Исключением, пожалуй, являются Филиппины – государство, которое можно назвать «азиатской Украиной» из-за его антагонистической позиции в отношении Китая²⁵. Однако в основе их внешнеполитического поведения лежат не столько вопросы национальной идентичности, сколько особая позиция местных элит, материально зависящих от США.

²⁴ Reid A. *Imperial Alchemy. National and Political Identity in Southeast Asia*. Cambridge University Press, 2010.

²⁵ Tiglao R.D. *US Intends PH to Be its “Asian Ukraine”* //The Manila Times. 17.02.2023. URL: <https://www.manilatimes.net/2023/02/17/opinion/columns/us-intends-ph-to-be-its-asian-ukraine/1879045>

ПАРАДОКСАЛЬНЫЙ ЭКОНОМИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ БАЛАНС

Анализ национально обусловленного разнообразия моделей конфронтации показывает, что каждое государство формирует собственную культуру: стратегическую и конфликтную, основываясь на своём историческом опыте, геополитическом положении и политическом устройстве. Не существует уникальной модели эскалации конфликта, одинаково применимой ко всем ситуациям международной напряжённости.

Понимание логики и структуры эскалации варьируется в зависимости от культурных и стратегических особенностей каждого государства, а также его восприятия внешних угроз. Германия и Франция сохраняют приверженность многосторонним форматам взаимодействия; избегая прямого военного вовлечения, они готовы идти на конфронтацию с теми, кто не разделяет их ценности. Турция, демонстрируя динамичный и напористый подход, инструментализирует различные аспекты национальной идентичности для достижения внешнеполитических целей. Индия придерживается прагматичного внешнеполитического курса, балансируя между различными центрами силы и уделяя первоочередное внимание собственному благосостоянию; рост Китая является для неё ключевым стратегическим вызовом. Из-за своего колониального прошлого и особенностей формирования национальной идентичности государства Юго-Восточной Азии придерживаются культуры уклонения от конфронтации, стремясь остаться в стороне от американо-китайского противостояния. Осознание этих различий имеет ключевое значение для предотвращения непреднамеренной эскалации конфликтов и прогнозирования действий потенциальных соперников и партнёров.

В условиях глобальных технологических, институциональных и идеологических перемен некоторые модели конфронтации демонстрируют относительную устойчивость, а другие перерождаются и мимикрируют. Так, традиционная пацифистская модель Японии претерпевает изменения под влиянием демографических процессов и осознания недостаточной защищённости со стороны США.

В результате технологического прогресса, особенно в сфере киберпространства и разработки технологий двойного назначения, меняется характер развития международных конфликтов, и это влияет на традиционные модели противостояния государств. Установление многополярности, укрепление роли региональных организаций и другие институциональные сдвиги меняют условия, в которых государства формировали свои стратегические культуры. Идеологические веяния, включая рост националистических настроений в ряде стран, тоже приводят к корректировке внешнеполитических подходов государств. В этой новой реальности стратегии конфронтации перестают быть статичными, а государства вынуждены искать новые формы взаимодействия, приспособившись к меняющимся условиям международной среды.

- Valdai_Club
- valdaiclub
- valdaiclub
- valdaiclubcom
- Международный
дискуссионный
клуб «Валдай»
admin@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ